

Мэгги Робинсон
Любовь и верность
Серия «Распущенные леди», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8110026
Любовь и верность: роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083745-8

Аннотация

Никто ничего не знал наверняка, но свету достаточно и подозрений: так или иначе барона Алека Рейберна многие считали виновным в смерти его молодой жены.

Измотанный всеобщим осуждением, Рейберн пошел на крайние меры – обратился в частное сыскное агентство, желая вывести на чистую воду истинного злодея – циничного и коварного соблазнителя, который довел несчастную до самоубийства.

Алек и не подозревал, что детективом окажется прелестная рыжеволосая Мэри Арден Ивенсонг, которая вернет в его жизнь радость, свет и жажду настоящей любви, сумеет подарить долгожданное счастье...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мэгги Робинсон

Любовь и верность

Роман

Глава 1

*Лондон, Маунт-стрит
31 мая 1904 года*

Мэри Ивенсон устала. Устала от дымчато-серых очков, прятавших ее ореховые глаза. Устала носить вызывающий зуд парик, который скрывал ее каштановые волосы. Устала от проблем, полными мешками прибывающих к ней всякий раз, когда почтальон звонил в дверь.

Но особенно она устала от своей тети Мим, которая и была настоящей Мэри Ивенсон и отказывалась уйти на покой.

Каждый день, когда Мэри запирала кабинеты агентства «Ивенсон эдженси» и с трудом поднималась по лестнице в расположенные наверху элегантные меблированные комнаты, ей приходилось сталкиваться с вопросами тети Мим и с подагрической ногой тети Мим. Именно подагрическая нога не давала жить им обеим. Мим управляла своим агентством по трудоустройству и человеческими жизнями с 1888 года, после удачной карьеры экономки герцога. Но вместо того чтобы после сорока лет успешной службы его семье отдыхать в красивом коттедже, подаренном ей герцогом на пятидесятипятилетие, Мим Ивенсон продала его, забрала свои сбережения и завела бизнес в Лондоне. Она знала, что нужно большим – и не очень большим – домам с точки зрения хорошей прислуги.

А еще ей было известно, что нужно легкомысленным светским девушкам, – у нее был опыт: она помогала выдавать замуж пять трудных дочерей герцога, так что Мим Ивенсон и сама не смогла бы сосчитать, сколько ночей провела, обсуждая причуды молодых джентльменов. Аккуратность, сообразительность и здравый смысл делали Мим Ивенсон незаменимым специалистом в области разрешения различных домашних катастроф.

Но однажды утром в 1900 году, как раз в то мгновение, когда наступило время объявить о начале нового тысячелетия, ее большой палец стало подергивать. А вскоре к нему присоединились и другие пальцы. И лодыжка тоже. Так что теперь она с большим трудом поднималась со стула, чтобы проковылять до окна и понаблюдать за движением на Маунт-стрит. Уже и речи не было о том, чтобы спуститься вниз к своему процветающему бизнесу и опросить лакеев или встретиться в своем личном кабинете с какой-нибудь мамочкой и обсудить с той, как ее дочь попала в скандальную историю с обнищавшим музыкантом, который настойчиво играл регтайм, вместо того чтобы исполнять Рихарда Штрауса.

Так что четыре года назад Мим пригласила к себе свою тезку-племянницу Мэри, чтобы разделить с ней дом и обучить ее всем тонкостям управления агентством «Ивенсон эдженси». Мэри была старой девой – как и сама Мим, а словечко «миссис» стало почетным обращением к ней как к герцогской экономке, когда она дослужилась до своего поста.

Для Мэри трудно было придумать что-то лучшее: ее родители умерли, а ее брат женился и занимался своей бакалейной лавкой. Впереди у нее было унылое будущее, в котором она ведет кассовый журнал или бесплатно нянчится со своими ужасными маленькими племянниками.

Мэри была разумной молодой женщиной и возлагала большие надежды на жизнь в Лондоне, в которой в ее постели не будет лягушек, а дома ей не придется терпеть бесконечной болтовни властной невестки. На работе она не будет скучать по аромату перезревшей дыни или сомнительной колбасы, и она без сожалений повесит на крючок свой фартук без единого пятнышка.

И лишь когда Мэри прибыла в город, план Мим стал казаться ей не таким уж чудесным. Мим тешила себя надеждой, что в один прекрасный день ее нога каким-то волшебным образом уменьшится в размерах и она сможет вернуться к своему массивному столу из красного дерева в угловом кабинете. И тот факт, что ей было уже за семьдесят, не мог поколебать ее уверенности в том, что компания не может работать без нее и ее хваленой мудрости. Для Мим было крайне важно по-прежнему оказывать прибыльные услуги и не менее важно, чтобы ее клиенты доверяли человеку, оказывающему эти услуги, как они делали всю эту дюжину лет.

А молодая Мэри не выглядела слишком умудренной опытом. Да, у нее широкий лоб и пронизательные ореховые глаза, но ее волосы были рыжеватыми, а многие люди считают, что рыжеволосые неуравновешенны. К тому же Мэри была невысока, но хотя тетя Мим была с нею одного роста, нехватка дюймов никогда не мешала ей становиться устрашающей, если ситуация того требовала. Так что если агентству суждено было продолжать работу и процветать, то без маскировки было не обойтись. Поэтому на Мэри и нацепили парик с очками – лишь временно, убеждала ее Мим, до тех пор, пока она снова не встанет на ноги, так сказать. Никто на нее и не взглянет – престарелых женщин в больших черных шляпах кругом хоть пруд пруди; в своей древней вездесущности они кажутся почти невидимыми, так что Мэри могла не опасаться разоблачения.

Для консультаций была тайком призвана целая армия докторов, однако способность Мим вальсировать оставалась такой же, какой была до того, как они поднимались на крыльцо ее дома на Маунт-стрит. А у бедняжки Мэри вообще не было возможности танцевать вальс: она была слишком занята, притворяясь пожилой женщиной, и с каждым днем все больше вживалась в эту роль.

Нужно что-то предпринять.

Но только не сегодня. Потому что сегодня у нее уже... забрали.

Кто-то быстро постучал в матовое стекло с «ледяным» узором в средней части двери ее кабинета, а затем из-за двери показалась голова ее секретаря Оливера Палмера.

– С вами пришел повидаться лорд Рейнберн, миссис Ивенсон, – сообщил он.

Оливер был красивым молодым человеком с безупречными манерами.

Стоя за стойкой регистрации, он производил великолепное впечатление и был невероятно тактичен. Даже если он и подозревал, что Мэри не совсем та, за кого себя выдает, то не показывал этого. У него были собственные тайны.

Оливер искренне рассказал о своей плачевной ситуации – и голоде, – когда Мэри задавала ему вопросы, принимая на работу. Без гроша в кармане он пришел искать другое место, но Мэри оставила его при себе, и для нее он теперь был незаменим. Оливер всегда был в курсе всех светских сплетен. Это именно он снабдил Мэри газетными вырезками о лорде Рейнберне, хотя не сказать бы, что ей стоило напоминать о нем. Она помнила мрачные фотографии на первых страницах изданий.

Несчастный случай, хотя по бокам этих слов стояли невидимые кавычки. Открытое окно. Недостаточные доказательства.

– Боже мой! Я хорошо выгляжу? – Мэри была готова язык прикусить. Она никогда не задавала Оливеру подобных вопросов, какими бы знатными ни были ее клиенты, и он с недоумением посмотрел на нее. В конце концов лорд Рейнберн всего лишь барон. А после

того, что произошло в Шотландии, ни одна порядочная женщина даже и думать не стала бы о том, чтобы произвести на него хорошее впечатление.

– Вы, как всегда, хороши, миссис Ивенсон, – кивнул Оливер. – И эта шляпка вам очень идет.

Должно быть, смешно носить шляпу в помещении, но благодаря ей и нескольким шпилькам Мэри удавалось удерживать парик на месте.

– Попросите его войти, – сказала она. – И нам понадобится чайный поднос.

– Будь я на вашем месте, миссис И, я бы предложил этому парню виски.

– Уверена, что ты прав. Так что позаботься и об этом, хорошо, Оливер? – Где-то в кабинете была бутылка солодового виски. В «Ивенсон эдженси» всегда все было под рукой и в руке. Последние четыре года Мэри Ивенсон находила мужей для богатых наследниц, камердинеров для виконтов и даже доярку для маркиза, который, к ужасу собственной кухарки, держал на кухне херефордскую корову. Агентство славилось своей способностью справляться с самыми невероятными поручениями – по сути, ее тетя победила в конкурсе с лозунгом «Исполняющие невыполнимое перед завтраком с 1888 года».

Некоторые представители сословия пэров, вроде этого маркиза, славились своей эксцентричностью. Лорд Алек Рейнберн был не из их числа. Но из-за того, что его прославило, сердце Мэри билось немного быстрее.

Если бы у него была простая проблема с прислугой, он нипочем не пришел бы к ней сам. Так что причина его визита личная. Мэри сомневалась, что Рейнберн ищет себе новую жену, – после кончины старой не прошло еще и года, а скандал, связанный с ее смертью, затихнет еще не скоро. Мэри была не настолько наивна, чтобы полагать, что барон будет сохранять обет безбрачия после всех этих сплетен, однако обращаться за услугами по поискам новой пары для него еще слишком рано.

Откашлявшись, Мэри постучала пальцами в перчатке по столу. Ее руки еще не покрылись морщинами, как следовало бы по возрасту, поэтому она все время была еще и в перчатках. И теперь ее ладони взмокли от пота.

В приемной затих стук клавиш пишущей машинки. Ее девочки-стенографистки, без сомнения, чуть не упали в обморок – незаметно, надеялась Мэри, – когда лорд Рейнберн прошествовал в ее внутренний кабинет. Да и самой Мэри стоило больших трудов не потерять голову вместе с ними, когда Оливер распахнул дверь, чтобы объявить о прибытии лорда Рейнберна.

Разве такого мужчину можно не заметить! Женщина должна быть слепой или мертвой, чтобы никак не отреагировать на его физическое присутствие.

С одной стороны, он был просто огромен, но в лучшем смысле этого слова. Мэри как-то раз была на ярмарке, где показывали «самого высшего мужчину в Британии», но бедняга оказался к тому же еще и самым уродливым в стране. Лорд Рейнберн уродливым не был, чего не скажешь о его наряде. На нем был прогулочный килт из шотландки его фамильных цветов, на которой черное неудачно сочеталось с желтым, что напомнило Мэри о рассерженных пчелах. Черный пиджак облегал его массивные плечи и отлично сочетался с его довольно длинными волосами и аккуратно подстриженной бородой. Мэри вообще-то недолюбливала бороды, но что-то ей подсказывало, что барон под бородой не прячет безвольный подбородок. Его глаза казались черными, как колодец. Он внимательно оглядел Мэри и ее кабинет, а она, качнувшись, поднялась с места и протянула ему руку.

– Добрый день, лорд Рейнберн, – оживленно поздоровалась Мэри, надеясь, что вид у нее такой же уверенный, как и голос. – Не хотите ли присесть? Оливер, пожалуйста, принеси нам напитки, о которых мы говорили. – Ей самой нужно был глотнуть чего-нибудь крепкого – она чувствовала себя расшалившейся школьницей. Он великолепен. Неудивительно, что женщины падают к его ногам.

И из его окон.

Лорд Рейнберн втиснулся в одно из обитых кожей кресел для клиентов. Оно было явно мало для него.

– Благодарю вас за то, что смогли так быстро принять меня, – проговорил барон. – Через несколько дней я должен ехать домой и до отъезда хочу убедиться в том, что вы окажете мне помощь.

– Что «Ивенсон эдженси» может сделать для вас, милорд?

– Я не уверен, что вы можете что-то сделать. Но я бы хотел, чтобы вы попробовали. Не буду ходить вокруг да около. Как вы считаете, это я убил собственную жену?

Мэри быстро вдохнула, а затем на мгновение задумалась над собственным вопросом.

– Это так важно, что я думаю? – спросила она.

– Возможно. Если вы просто возьмете мои деньги и в ответ наговорите мне пустых слов, то мне просто нет смысла нанимать вас, не так ли? Мы, шотландцы, не любим попусту тратить время. Или наше золото.

У Мэри напряглась спина.

– Могу заверить вас, что «Ивенсон эдженси» берется за дела клиентов не для того, чтобы развеселить их и предоставить им бухгалтерские книги. Если мы в состоянии выполнить заказ, то сделаем все возможное для того, чтобы исполнить наши обязательства.

– Итак, вы не скажете, убийца я или нет?

– Боюсь, мне не слишком хорошо известны подробности этого дела, – солгала Мэри. Под письменным столом Оливера лежала целая стопка альбомов с газетными и журнальными вырезками. Один из них был целиком посвящен лорду Рейнберну.

Оливер выбрал именно это мгновение для того, чтобы войти в комнату с серебряным подносом в руках. На нем стоял не только графин с виски, но и милый фарфоровый чайник. Мэри передумала утолять жажду спиртным, решив, что ей нужно сохранить трезвый ум, а потому остановилась на чашке бирюзового чая улуна. К ее удивлению, лорд Рейнберн сделал тот же выбор.

– Спасибо, Оливер! Это все.

– Если я вам понадобится, я за дверью, миссис Ивенсон. Прямо за дверью.

Лорд Рейнберн криво улыбнулся.

– Не беспокойся, парень, я не изнасилую твою работодательницу, – сказал он. – Возможно, в глазах окружающего мира я и шантажист, но у меня есть кое-какие критерии.

М-да. Мог ли он сказать что-то более оскорбительное? Впрочем, ей не стоит обижаться – она же должна выглядеть, как старая форель, однако двадцатидевятилетняя женщина в черной шляпе почувствовала непонятное раздражение. Мэри поставила чашку, отчего часть чая расплескалась на блюде.

– Возможно, вам лучше рассказать, зачем вы здесь, – вымолвила она.

– Мне на месяц нужна женщина.

Мэри встала и выпрямилась в полный рост, хотя не сказать бы, что его слова показались ей слишком оскорбительными.

– Наше агентство не занимается подбором персонала такого рода, лорд Рейнберн, – тем не менее отрезала она. – Всего доброго.

– Боже, да бросьте вы это высокомерие и сядьте! Я недостаточно ясно выразился. Мне нужна женщина, которая сможет фильтровать гостей в этом новом спа-заведении, где занимаются гидротерапией. В отеле «Форзит пэлас». В северной горной Шотландии. Вы слышали о нем?

Мэри слышала. Во всех лондонских газетах печаталась полосная реклама этого заведения, когда оно открылось в прошлом году. Выстроенное в шотландском баронском стиле, оно могло принять двести посетителей и предоставить первоклассные номера для здоровых

клиентов, а также множество видов водолечебных процедур для тех, чье здоровье уже не отличалось большой крепостью. Мэри даже лелеяла надежду отправить туда свою тетушку Мим, но та нипочем не оставила бы агентство в руках одной племянницы.

Справедливости ради стоит сказать, что Мэри получила один удивительно прозорливый совет от своей тети – Мим становилась острой как гвоздь, особенно когда дело касалось хитрых клиентов. И лорд Рейнберн мог бы присоединиться к этому списку, если Мэри выведает, чего он хочет.

– Вы говорите, что ей придется «фильтровать» клиентов, – напомнила она. – Почему бы вам в таком случае не нанять обычного агента, который сможет наводить о людях справки? Я могла бы порекомендовать вам несколько надежных агентств.

– Там везде работают одни мужчины, миссис Ивенсон. Мне нужна женщина, которая сможет расставить ловушку для врача, ведущего там дела. Для человека, ответственного за смерть моей жены, – пояснил лорд Рейнберн.

Мэри перевернула чашку, сожалея о том, что не обладает способностью гадать на кофейной гуще.

– Но почему вы не обратились со своими подозрениями к властям? – поинтересовалась она.

– Ха, какой в этом смысл? Они считают меня виновным, все дело лишь в том, что у них нет достаточных доказательств. Но вот что я вам скажу: мою жену соблазнил этот кусок дерь... этот слизняк, доктор Джозеф Бауэр, – выкрикнул он. – У меня есть дневник жены. Там все записано! Она отдала ему целое состояние за то, чтобы он помалкивал.

Мэри через стол смотрела на барона. Сквозь сероватые линзы ее очков казалось, что его лицо все еще носит здоровый оттенок. Но судя по выражению его лица, лорд был в состоянии сдерживаемой ярости. Не хотела бы она увидеть, как он потеряет над собой контроль. Человек такого размера кого хочешь испугает, даже если лишится хотя бы небольшой части здравого смысла. Трудно представить себе, что его жена осмелилась ему изменить. Наверняка она должна была знать, что это вызовет определенные последствия.

– И чего бы вы хотели от этой женщины?

– Хочу, чтобы она притворилась пациенткой. Бросалась бы моими деньгами и обратила бы на себя внимание Бауэра. Была бы с ним ласкова.

Мэри покачала головой:

– Как я уже сказала, мы не нанимаем леди для работы такого рода, – заявила она.

– Ей не придется траха... м-м-м... вступать с ним во внебрачную связь. Нужно будет только поймать его на каком-нибудь неблагоприятном поступке. Например, он попытается убить ее и выдать все за несчастный случай после того, как заставит переписать завещание.

– Сомневаюсь, что кто-либо из женщин, которые обращаются ко мне за работой, захочет стать потенциальной жертвой убийцы, лорд Рейнберн, – сухо проговорила Мэри.

– Разумеется, не надо заходить так далеко, – заверил он ее. – Если Бауэра просто обвинят в том, что он завел романтические отношения с одной из пациенток, этого будет достаточно для того, чтобы погубить его репутацию. Какой муж или отец после этого доверит ему лечение своей жены или дочери? К тому же я буду рядом, чтобы обеспечить безопасность этой женщины.

Рот Мэри слишком долго оставался открытым. Господи, она же выглядит как последняя идиотка!

– Вы?! – переспросила она, собрав остатки здравого смысла.

– Я заказал там номер люкс. Теперь, когда Эдит не стало, я распорядился кое-что изменить в своем доме – Рейнберн-Корте, а отель расположен меньше чем в двух милях от него. Вполне естественно, что я остаюсь там, чтобы присматривать за работами, а отель – един-

ственное достойное место в тех краях, где я могу остановиться. Единственное место для длительного пребывания. Мы немного изолированы от остального мира.

Да, в этом и заключалось главное преимущество этого спа-отеля – в первозданной природе вокруг. Чистый воздух, горы, свежая вода. Достаточное количество диких животных и водопадов, чтобы потрясти любого фотографа-любителя. К тому же туда можно добраться на поезде, который идет до Питкаррана, очаровательного маленького городка, откуда за день можно доехать до отеля в предоставляемой им конной линейке.

Во всяком случае, Мэри казалось, что она читала о чем-то таком в рекламе. Интересно, Оливер сохранил хотя бы одну из вырезок?

– Бауэр меня знает, я заставляю его нервничать, – продолжал лорд Рейнберн. – Он может оступиться и совершить ошибку.

– Да, но не исключено, что он будет вести себя подобающим образом, – заметила Мэри. – Ему известно, что в вашем лице он увидит перед собою врага?

– О да!

Мэри поежилась, заметив блеск в глазах барона.

– Позвольте уточнить, правильно ли я вас поняла. Вы хотите, чтобы доктор Бауэр скомпрометировал себя с одной из пациенток, зная, что вы за ним наблюдаете?

– Это этого человека... – вы знаете парня-психиатра по фамилии Фрейд? – не знает границ. Он в восторге от себя. Думаю, именно из-за того, что я буду там, он всю разойдется передо мной, считая, что я ни черта не смогу с ним сделать. Кто поверит мне, если я скажу про него что-то плохое? Мне, человеку, убившему свою жену? Мне нет веры! – Лорд Рейнберн откинулся на спинку стула и впервые показался Мэри уязвимым. Мэри решила, что ей стоит еще раз просмотреть газетные вырезки, в которых писали про смерть леди Рейнберн.

– Позвольте мне обдумать вашу просьбу, – сказала она.

– У меня нет времени на промедление, миссис Ивенсон, – вымолвил барон. – Если вам не удастся найти мне кого-то, кто сможет сделать это, мне придется нанять актрису. Я знаю нескольких подходящих.

Да, Мэри слышала, что он водит знакомство с актрисами. Лорд Рейнберн и его жена большую часть своего брака жили порознь. Неудивительно, что леди Рейнберн искала утешения в объятиях приветливого доктора Бауэра.

– Почему же вы уже этого не сделали? – спросила она.

– Мои знакомые девушки... Знаете, они больше подходят для пения в хоре, чем для того, чтобы изображать богатых наследниц. Мне нужен кто-то свежий. Невинный. Кто-то, кого Бауэр, по его мнению, сможет развратить без всяких для себя последствий. Из того немногочисленного, что мне известно, Бауэр предпочитает губить девственниц, которые потом бывают слишком испуганы, чтобы признаться в собственной глупости.

– Тогда почему же доктор Бауэр обратил внимание на леди Рейнберн? – Едва этот вопрос слетел с ее уст, Мэри поняла, что совершила ошибку. Она видела, как лорд Рейнберн усиленно обдумывает ответ.

Но вместо ожидаемого ею крика он весьма тихо произнес следующие слова:

– Моя жена была очень молодой, когда мы поженились. Утонченной. Она с отвращением думала о супружеских обязанностях. Хотя, возможно, отвращение внушал ей я. А Джозефу Бауэру каким-то образом удалось преодолеть ее возражения.

Несмотря на свою относительную молодость, Мэри Ивенсон редко так удивлялась тому, что ей говорили ее хитрые клиенты. Лорд Рейнберн обнажил перед нею свое сердце. Свою боль. Каким-то образом Мэри поняла, что до сих пор он никогда и никому не говорил правды.

Эдит Рейнберн была девственницей. И дурой.

Мэри приняла решение, надеясь, что потом не пожалеет о нем.

– Я это сделаю, – сказала она. – Я имею в виду, что найду вам кого-нибудь. Когда ей нужно будет выехать в Шотландию?

– Мы не должны приезжать в отель одновременно... Давайте так: пусть ваша девушка придет через неделю после четверга. Чем скорее мы выведем негодяя Бауэра на чистую воду, тем лучше. У вас уже есть кто-то на примете?

– Да, – кивнула Мэри, надеясь, что тетя Мим одобрит ее сумасбродный план.

Сама Мэри не сумасбродка, напротив, она довольно спокойна. Разумна. Ответственна. Скучна. Но все это должно измениться.

Вытащив бланк контракта, она стала обсуждать с бароном его условия, словно желто-черные пчелы сонно не жужжали у нее в голове.

Глава 2

*Форзит, Пертшир, Шотландия
9 июня 1904 года*

Алек Рейнберн попыхивал сигарой в одной из башен отеля «Форзит пэлас», предназначенных исключительно для мужских развлечений подобного рода. Напротив него, за крытой шифером крышей, находилась женская башня, в которой несколько молоденьких, одетых в белые платья клиенток, не замечая видневшейся вдалеке голубой вершины Бен-Враки, в открытую разглядывали его. Они пытались привлечь его внимание, яростно размахивая носовыми платочками и кивая головами, но Алек игнорировал их, глядя на круглую подъездную аллею отеля.

Должно быть, девушки еще не слышали о нем и о его порочности, хотя можно не сомневаться, что их матери вот-вот ворвутся в башенку, уведут своих дочерей подальше и выложат тем все, что им, по их мнению, известно. Прошел почти год, и Алек уже привык к тому, что в комнате воцаряется молчание, когда он туда входит, взгляды устремляются в углы, и люди внезапно вспоминают о назначенных встречах. Он всегда привлекал к себе внимание – мужчина таких размеров не мог оставаться невидимкой, – но сейчас это внимание было ему ни к чему.

Ему все это надоело. Как только все будет кончено, он решится на что-нибудь. Сбежать из Англии будет не так уж трудно, потому что его сердце в Шотландии. Однако смерть Эдит накрыла мрачной пеленой его любимый Рейнберн-Корт, который, конечно же, по-настоящему не изменится от того, что там появятся новые драпировки и мебель. Остаться в изоляции будет очень тоскливо, но Алек понимал, что общественное мнение о нем изменится еще не скоро.

Он не мог сказать правду. Даже человек с таким черным сердцем, как у него, не стал бы использовать Эдит для того, чтобы объяснить, что случилось. Ее родители уже ненавидели Алека за его недостатки. Но Алек мог жить рядом с их ненавистью – да и жил с самых первых дней его брака с Эдит, но ему не вынести новой волны горя, которую он им причинит, если они узнают причину отчаяния их дочери.

Независимо от того, что она сделала, он не смог убедить Эдит довериться ему. Через короткое время он бросил эти попытки и стал жить собственной жизнью – как делали многие мужчины, равные ему по положению в обществе. Он не был святым, да и никто не был. Взгляните хотя бы на короля – «Кинги», у которого в прошлом было более чем достаточно внебрачных приключений.

По крайней мере Алек никого не подпускал к своему сердцу – его амурные похождения были короткими и бескровными. Он полюбил Эдит, но получил за это сполна, так что о любви больше и речи быть не может. Поэтому ему оставалось только каким-то образом восстановить справедливость, и его помощники уже на пути к нему.

Накануне он получил телеграмму от миссис Ивенсон. Двое его новых работников – мужчина и женщина – придут сюда дневным поездом. Алек не стал спорить в ее офисе, когда она объяснила ему, что никакая порядочная женщина не отправится в одиночку в этот глухой уголок Шотландии, пусть даже в такое роскошное заведение, как этот отель, представляющий гостям личных горничных и лакеев.

Алека не волновало, сколько ему придется выложить за это усилие, – его репутация погублена. Он больше не женится, и у него не будет сына, которому он сможет передать свой титул и поместье. Брат Алека Эван не растеряется, унаследовав от него несколько сотен

фунтов стерлингов: Эван владеет винным заводом, продукция которого нравится самому королю Эдварду, и он богаче самого Алека.

Алек вытянул шею, когда внизу на длинной аллее остановился запряженный лошадьми блестящий черный омнибус отеля. Его пассажиров забрали на железнодорожной станции, и он приехал сюда по извилистой дороге, тянущейся вдоль сверкающей реки Таммел, прославившейся своим лососем. Они миновали джентльменов-гостей, которых привезли сюда раньше и которые теперь бродили по воде, ловя рыбу, потом шеф-повара, обещавшего приготовить им их улов на обед, а теперь ехали мимо игроков, рассыпавшихся по принадлежащему отелю полю для гольфа с девятью лунками.

Бауэр и его деловые партнеры попали в точку, создавая это великолепное заведение, отвечающее любому вкусу, будь то спортсмены, страдающие ипохондрией титулованные вдовушки или семьи с застенчивыми дочерьми, которые желали привыкнуть к высшему свету, сидя в общей столовой. Алек скрепя сердце с уважением относился к этому гениальному плану. Покойная королева сделала горный край Шотландии фешенебельным местом десятилетия назад, но не было тут места более фешенебельного, чем отель «Форзит пэлас».

Интересно, кто из выходящих из омнибуса людей – его Мэри Арден? И кто из них ее «брат»? Алек видел только их головы, прикрытые соломенными канотье и такими огромными дамскими шляпами, что те полностью загораживали фигуры надевших их женщин.

Алек положил сигару в хрустальную пепельницу. Он с деланно безразличным видом спустится к стойке регистрации и посмотрит, удастся ли ему распознать актрису, которую наняла миссис Ивенсон. Он надеялся, что она будет выглядеть наивной и беззащитной, – судя по дневнику Эдит, Бауэр хвастался тем, что волочится за самыми слабыми женщинами, которым всегда льстило его внимание. Он проникал в их постели и выуживал деньги из их кошельков. Шансов на то, что он женится на одной из них, не было ни малейших – у него были жена и дети, спрятанные где-то в Эдинбурге.

Алек недоумевал, почему все они хранили в тайне его гнусные проделки, но он же не женщина. Несмотря на то, что мир быстро меняется, правил высшего света это не касается. Скандал остается скандалом. Женщина должна хранить невинность до замужества.

А иногда она остается чистой и после замужества, с горечью подумал Алек.

Пройдя мимо лифта, Алек быстро спустился по лестнице на первый этаж. Колонны и сводчатые проходы вели к огромному вестибюлю, который, в свою очередь, выходил на остекленную веранду, окружавшую всю заднюю часть здания. Все это производило огромное впечатление. Даже Алек, который вырос в Нагорье, не мог считать все это великолепие само собой разумеющимся. Целая толпа гостей пила чай, сидя на изящных плетеных стульях, и за звяканьем блюдец и вилок до него доносились приглушенные разговоры. Несколько человек повернули головы в его сторону, а потом поспешно отвернулись. Как всегда.

Носильщики катили нагруженные багажом тележки по пандусам, ведущим с одного этажа на другой. Архитектор позаботился о том, чтобы обеспечить пути эвакуации для многочисленных гостей отеля и его персонала. Пожары в таких больших отелях – дело обычное, поэтому любая мера по спасению людей от бедствия не была лишней. В заведении было несколько современных лифтов, несколько лестниц, металлические пожарные лестницы в задней части здания, а также пандусы для прислуги, позволявшие горничным носить свои швабры не на глазах у клиентов.

Дюжину или около того новоприбывших гостей встречал сам доктор Джозеф Бауэр, в накрахмаленном белоснежном врачебном халате, с аккуратной причесанной светловолосой бородой. Утром Алек проходил мимо местной парикмахерской и видел Бауэра, расслаблявшегося в кожаном кресле.

Интересно, почувствовал ли бы он расслабление, если бы Алек поднес к его горлу бритву? Нет, для этого теперь есть Мэри Арден. Алек не знал, зачем она привезла с собой мужчину-компаньона, но пара лишних ушей и глаз никогда не помешает. Только он не потерпит, если Мэри Арден закрутит тут любовь с парнем, которого привезла с собой. Она должна направить все свои усилия на то, чтобы заманить в ловушку Джозефа Бауэра.

Алек дал им неделю на то, чтобы привести доктора к падению. Обновления в его доме не займут больше времени. В основном рабочие должны вывезти тонкую мебель Эдит и снять занавески из ситца. Ему нужны стулья, которые не сломаются под его весом, и он не из тех парней, которые любят ситец. Но в самом начале он дал Эдит карт-бланш на изменение своего родового особняка, и она эти изменения сделала. Свобода в декорировании дома не превратила ее в более свободного человека, так что Алека раздражала не только ее холодность, но еще и неподходящие сиденья.

Святой Господь! Алек спрятался за колонной. Миссис Ивенсон явилась сюда собственной персоной, одетая с головы до ног во все черное, в этих своих маленьких серых очках, тяжело опиравшаяся на трость. К ней бросилась горничная и усадила ее на стоявший в вестибюле диван, а доктор начал говорить какую-то ерунду.

Не думает же она, что Джозеф Бауэр захочет соблазнить ее? Нет, разумеется, нет. Должно быть, она приехала, чтобы присматривать за двумя актерами. На Алека это произвело впечатление: подписывая контракт, он никак не ожидал, что ему уделят такое внимание.

Несколько других гостей вслед за миссис Ивенсон расселись по диванам. Слева стояли бледная рыжеволосая девушка в голубом и в простой, но элегантно шляпке, и дьявольски красивый молодой человек. Что-то в нем было знакомо Алеку. Секретарь? А она, должно быть, Мэри Арден. Все остальные гости, которые только что приехали, казались слишком старыми, хотя и она тоже явно не первой молодости.

Она была не очень красивой, но для того чтобы привлечь внимание Бауэра, это не так уж необходимо. Алек подумал, что ее красота просто не бросается в глаза: у нее тонкий и прямой нос, а губы – достаточно пухлые, но не такие, будто ее укусила оса. Ее высокий лоб, должно быть, свидетельствует о некотором интеллекте. Алек никогда не оставался равнодушным к формам женщины, и у Мэри Арден с этим все было в порядке. Невысокая, но с соблазнительными округлостями. Талия безжалостно затянута в тугий корсет, а те кусочки кожи, которые открывались взору, были такими белыми, словно она веками не подставляла их солнцу. Правда, она казалась немного болезненной, но, вероятно, причиной тому была светлая пудра.

Нанятая им женщина не должна быть обычной клиенткой, которая прогуливается по ухоженной территории, позирует для фотографий и играет в теннис. Постоянные гости не в компетенции доктора Бауэра, для них тут есть подобострастный отельный менеджер, мистер Прескотт. Пациенты доктора Бауэра принимали все процедуры в дальнем крыле отеля – турецкие, грязевые и дройтвичские солевые ванны, массаж и мытье тела шампунем, которое длилось не меньше двадцати минут. Пациентам помогали местные работники, но иногда доктор Бауэр сам обслуживал там клиентов, чтобы иметь возможность воспользоваться беспомощностью – и наготой – молодых женщин.

Алек представил себе, что Мэри Арден должна быть весьма хороша обнаженной со своей белой кожей и светло-рыжими волосами, спадавшими ей на спину. Впрочем, Алек надеялся, что она не почувствует себя обязанной заходить так далеко, хотя в нем крепла уверенность в том, что миссис Ивенсон не допустит такого рвения, пусть даже Мэри Арден и актриса, нанятая лишь для того, чтобы исполнить свою роль. Она прижалась к молодому человеку, выдававшему себя за ее брата, но он с отвращением оттолкнул ее руку. Мисс Арден качнулась назад, и Алеку стоило огромных усилий не броситься к ней через весь вестибюль, чтобы удержать ее от падения.

К тому же она не упала, успев ухватиться за спинку дивана, на котором сидела миссис Ивенсон. Пожилая женщина подняла голову и что-то ей сказала. Мисс Арден кивнула. Осторожно обойдя диван, она упала на подушку.

Заметив это, Джозеф Бауэр прервал свою заготовленную речь, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Умная девчонка привлекла к себе внимание с первой же минуты. Она подняла на доктора прозрачные ореховые глаза, и Алек едва сдержал усмешку. Мисс Арден была живым воплощением милой уязвимости – лучшего спектакля он и представить себе не мог.

Алек увидел достаточно. Миссис Ивенсон соответствовала своей репутации и назначенное выполняла. Маленькая мисс Арден достаточно привлекательна для того, чтобы обратить на себя внимание любого мужчины. Алек попытается уединиться с ней на минуту перед обедом: у него в голове созрел отличный – так он, во всяком случае, считал – план, который поможет ускорить оболыщение доктора Бауэра.

Пора вернуться в свои покои и приготовиться к вечеру с помощью лучшей продукции своего брата Эвана. В отеле «Форзит пэлас» блюли трезвость, так что алкоголя «для здоровья» здесь не подавали; хорошо хоть они не обыскивали багаж клиентов и не конфисковывали запрещенного. При этом многие гости тайком поддерживали свои силы с помощью спиртного во время пребывания в отеле, причем как джентльмены, так и леди. Алек прихватил в Рейнберн-Корте целую коробку виски и методично попивал его. Не много, но и не мало. После смерти Эдит Алек вел себя как полный осел, принося себя в жертву сплетням. Впадал в ярость и напивался до бесчувствия, поэтому большинство слуг ушли от него, опасаясь того, что он и их выбросит в окно.

Потребовалось не много времени, чтобы пересуды слуг достигли Лондона. Наверное, во всей Британской империи не осталось места, где не слышали бы о порочном лорде Рейнберне. Алека все это не особо интересовало, когда он приезжал в свой лондонский городской особняк и развлекался с распутными женщинами, но черт его побери, если он остаток жизни проведет как монах! Ради Эдит он был готов соблюдать обет безбрачия, да только проку это не принесло.

Его брак был катастрофой. Но месть поможет ему соблюдать пост в холодные пустые ночи, что ждут его впереди.

Алек вошел в свой люкс на верхнем этаже. Его слуга Маккензи уже готовил ему поднос с напитками. Не сказав ни слова, Алек опрокинул в себя первый бокал со спиртным и протянул руку за вторым. Этого на сегодня хватит, чтобы сдержать гнев. Он примет еще одну ванну, превратится в цивилизованного человека в безупречном черно-белом вечернем костюме и сохранит свои тайны, как горькие пилюли под языком.

Глава 3

Тетя Мим поставила ногу на мягкую скамеечку.

– Вид сносный, – проговорила она.

– Господи, да разве просто сносный! Думаю, это самое прекрасное место в мире! – Распахнув окно, Мэри глубоко вдохнула. Ей казалось, что она пробует на вкус солнечный свет. Какой контраст с грязными лондонскими улицами! Отсюда, из расположенной в башенке комнаты тети Мим, повсюду, куда ни кинь взгляд, на много миль вокруг она видела горы, леса и воду. Просторный люкс с двумя спальнями, в котором поселились они с Оливером, не шел ни в какое сравнение с этими покоем.

– Мне не дает покоя мысль о том, что мне не следовало приезжать сюда, – сказала тетя Мим. – Ты уверена, что мисс Бенсон справится с делами агентства в мое отсутствие?

Мэри было известно, что тетя Мим и ее считала не совсем компетентной, – даже после того, как она четыре года занималась разного рода посредничеством и интригами. Совсем недавно она составила свою самую удачную пару: выдала замуж наследницу банкира Луизу Страттон за героя войны Чарлза Купера. Несколько недель назад Мэри получила веселое письмо от Луизы из Нью-Йорка и той же почтой – щедрое вознаграждение от «Пегас мотор компани», благодаря которому она смогла приобрести подходящий гардероб для нынешней ситуации.

– Мы уже тысячу раз об этом говорили, – заметила она. – Эта поездка пойдет вам на пользу. Каким бы ужасным человеком ни был доктор Бауэр, его лечение оказалось эффективным для множества пациентов. А Харриет со всем справляется. Помните, вы же нанимали ее еще до того, как привезти меня в Лондон? И если случится что-то необычное, она пришлет телеграмму.

– Может быть, Оливеру следовало остаться в агентстве, – проворчала тетя Мим.

Господи, до чего же ее тетя упряма!

– Ерунда, – отрезала Мэри. – Оливер незаменим в различных бытовых ситуациях, к тому же с ним весело. – Оливер так уговаривал взять его с собой после того, как Мэри все ему рассказала, что она не смогла отказать ему в рабочем отпуске.

– Но этот доктор может счесть его помехой.

– Нет, только не его. Оливер будет играть роль обиженного брата, обремененного заботами о больной сестре и капризной тетке, который до смерти устал от них. Мы собираемся при каждой возможности цепляться друг к другу на людях. Он будет уходить играть в гольф и флиртовать с... – Мэри осеклась. В самом деле, с кем же будет флиртовать Оливер? – ... другими гостями, – нашлась она, – предоставляя меня самой себе. И я останусь тосковать одна-одинешенька, созревшая для того, чтобы меня сорвали.

– А как же я? Предполагается, что я – твоя опекушка, разве не так?

– Я уже слишком взрослая, чтобы вы могли чрезмерно тиранить меня, – отозвалась Мэри. – Надежд у меня никаких. Мне ведь почти тридцать, вы не забыли? И поклонников что-то не видно. К тому же предполагается, что вы настолько заняты мыслями о собственном состоянии, что вам до меня и дела нет. Только подумайте, тетя Мим, вы можете быть такой же высокомерной, как ваша старая герцогиня, и вдвое более грубой, чем она. Как вам будет весело пугать всех вокруг! Объявляю, я ревнива. – Мэри подумалось, что ее тетя с огромной радостью избавится от роли чопорной и безупречной миссис Ивенсон. Мим Арден получит определенную свободу действий – как и она.

Мэри Арден привезла с собой целый сундук модных платьев, а также собственные блестящие волосы, уложенные по последней моде. Ей больше не докучали парики, перчатки и черная как воэрон одежда. Она нанимала достаточное количество людей, изображавших из